

struction, n. 128, 4-о). Наказуемость такихъ угрозъ указываетъ Саггара (*Esposizione dei delitti in specie*, 1865, т. II, стр. 440). При разсмотрѣннн проекта бельгійскаго кодекса замѣчено, кромѣ того, что угрозы посредствомъ жестовъ имѣють существенное значеніе, когда онѣ сопряжены съ указаніемъ на оружіе (см. *Nypels, Code pénal belge*, т. II, 19). Это побудило бельгійскаго законодателя указать въ кодексѣ 1867 г. на символическія угрозы (ст. 329; „menaces par gestes ou emblèmes“). Точно также кодексъ тессинскаго кантона, 340, упоминаетъ о такого рода угрозахъ. Австрійское уложеніе, 98, допускаетъ такія угрозы въ общемъ выраженіи: „непосредственно, на письмѣ, устно или какимъ нибудь другимъ образомъ“, и потому юриспруденція признала наказуемость символическихъ угрозъ (*Herbst, Handbuch*, 1875, I, 251; *Frühwald, Handbuch*, 120). Слѣдовательно Н е к л ю д о в ъ (Руководство къ особенной части I, 77) ошибочно утверждаетъ, будто бы наука и законодательствамъ неизвѣстны такія угрозы, а равно неосновательно усматриваетъ въ нихъ признаки обиды. Что можетъ быть, напр., обиднаго въ вышеупомянутыхъ символическихъ угрозахъ поджогомъ?

§ 49.

Заочныя угрозы посредствомъ третьяго лица равно наказуемы, какъ и сдѣланныя непосредственно, когда обстоятельства указываютъ, что виновный намѣревался такимъ образомъ довести угрозы до свѣдѣнія угрожаемаго; онѣ наказуемы и тогда какъ замѣчаетъ *Sch w a r t z e* (*Commentar*, 348), когда угрожающій только предполагалъ, что по всей вѣроятности третье лицо, въ присутствіи котораго угрозы были сдѣланы, увѣдомить объ этомъ угрожаемаго